

Цитаты номера

Несмотря на выход из тени, Пекин не намерен проводить блоковую политику, создавать антиамериканские альянсы и переходить к открытой конфронтации с США. Тем более Китай пока не готов делать акцент исключительно на военных методах отстаивания своих интересов. Значит, необходим некий обходной маневр, в котором жесткая сила будет далеко не главным компонентом, а правила игры будут меняться постепенно по мере укрепления позиций Китая и ослабления позиций его главного геополитического конкурента.

В восточных единоборствах учат пользоваться энергией партнера, чтобы добиваться собственных целей. Так же и с *Шелковым путем*, который подразумевает существенные инвестиции в инфраструктуру, которые очень нужны для беспрепятственного движения товаров на всем евразийском пространстве. Этот проект перекликается с нашими внутренними целями.

Кроме того, что в сборнике обозначаются основные претензии *Аль-Каиды* к ИГ, он интересен еще и тем, что это один из редких текстов авторства идеологов *Аль-Каиды*, в котором они призывают к отказу от чрезмерности. Обычно в радикализме и чрезмерности мусульманские богословы всего мира обвиняют саму *Аль-Каиду*. Это говорит о том, насколько неожиданным и непривычным оказался феномен ИГ для *старой школы* джихадизма.

При анализе перспектив *Шелкового пути* нужно учитывать, что Центральная Азия стала местом концентрации интересов многочисленных конкурирующих держав. Любопытно, что сегодня ЕС, США, Индия и другие игроки имеют свои как декларируемые, так и закрытые стратегии и планы в отношении нашего региона. Как их геоэкономические стратегии сумеют ужиться в рамках ограниченного пространства — большой вопрос, тем более, что никто из участников Большой Игры, за исключением КНР, не готов масштабно инвестировать в развитие Центральной Азии.

Северокорейское ядерное досье — одна из немногих проблем международной политики, по которой между основными игроками существует почти консенсус. Казалось бы, договориться о совместных действиях в подобной ситуации должно быть легко. Однако на практике полной координации не получается — в первую очередь потому, что у основных игроков, помимо общего нежелания видеть Северную Корею ядерной державой, есть свои цели, которые превращают ядерный вопрос в относительно второстепенный.

Северокорейская ядерная проблема становится хорошей иллюстрацией того, почему в международной политике редко удается координировать действия равноправных партнеров.

Даже в обществах с относительно высокой толерантностью к публичной доступности данных онлайн-пользователей неизбежно осознание того, что пользовательское соглашение не вполне справедливо. Насколько собственные данные, используемые в коммерческих целях, — адекватная цена за бесплатные услуги веб-поиска, почтовые и прочие онлайн-сервисы и ИВ-технологии?

В ситуации, когда пользовательские данные все чаще воспринимаются как новая валюта XXI века, очевидно, что если предлагаемый вам товар бесплатный, то настоящий товар — вы сами.

Игорь
Денисов

Станислав
Воскресенский

Кямал
Гасымов

Тимур
Шаймергенов

Андрей
Ланьков

Александра
Куликова

Российский
журнал
о международной
безопасности

SECURITY INDEX

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ

№ 3 (114) 2015

ПИР-Пресс представляет

Станислав
Воскресенский
Александр Габуев

**ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ КАК ВОСТОЧНОЕ
ЕДИНОБОРСТВО**

Андрей Келин

ОБОЙТИСЬ БЕЗ ВАС: ПОЛИТИКА МОСКВЫ В АТР

Игорь Денисов

**НЕСОВЕРШЕННА И БЕЗАЛЬТЕРНАТИВНА:
ОБСЕ КАК ПЛОЩАДКА ДИАЛОГА**

Кямал Гасымов

**ИЗ ГОСТЯ ПРЕВРАТИТЬСЯ В ХОЗЯИНА:
О ГОТОВЯЩЕМСЯ ПРОРЫВЕ КИТАЯ**

Александра
Куликова

РАЗЛАД В СТАНЕ ДЖИХАДИСТОВ

**АТАКА ХОЛОДИЛЬНИКОВ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ
ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ**

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ №3 (114), Том 21

ОСЕНЬ 2015

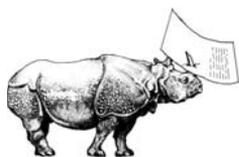
PIR PRESS

2734
1.07.2015

2762
1.08.2015

2741
1.09.2015

2771
1.10.2015

Андрей Ланьков

ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА КНДР: СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ТУПИК?

В 2006 г. полку ядерных держав прибавилось: 9 октября в КНДР было проведено первое в этой стране ядерное испытание. За первым испытанием последовали и второе, и третье.

В принципе, в мире есть уже несколько неофициальных ядерных держав, то есть стран, которые не испытали ядерное оружие (ЯО) до 1968 г., когда был подписан Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). К их числу относятся Индия, Израиль, Пакистан и ЮАР (впрочем, последняя свое ЯО демонтировала). Однако КНДР отличается от этих стран тем, что она подписала ДНЯО, получив таким образом доступ к ядерным технологиям, а потом вышла из Договора и произвела серию ядерных испытаний. Остальные *новые* ядерные державы Договор не подписывали изначально. Таким образом, ядерная программа КНДР создает опасный прецедент.

Международная реакция на северокорейскую ядерную программу была и остается резко негативной. В октябре 2006 г., через несколько дней после первого ядерного взрыва, Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1718, которая вводила международные санкции против КНДР. Санкции были усилены после ядерных испытаний 2009 г. и 2013 г.

В соответствии с режимом санкций с КНДР запрещено торговать вооружением, равно как и материалами и оборудованием, которые могут быть использованы для производства как ЯО, так и баллистических ракет, и, наконец, предметами роскоши — впрочем, последняя категория понимается достаточно широко и включает в себя, например, все виды дорогих алкогольных напитков. При этом обычная торговля с Северной Кореей, вопреки распространенному мнению, резолюциями Совбеза никак не ограничивается. Правда, в некоторых странах (в частности в США и Японии) существуют собственные законодательные акты, которые налагают на торговлю с КНДР более жесткие ограничения, однако такие акты применимы только к компаниям из этих стран¹.

В отличие от многих других документов ООН, резолюции по северокорейской ядерной программе действительно отражают позицию членов Совета Безопасности. Ядерная Северная Корея не нужна никому из заметных мировых игроков, причем в первую очередь это относится к официально признанным ядерным державам —

И
И
Р
А
Т
Н
Е
М
И
К
О
М
И

США, России, Китаю. Северокорейский прецедент способствует размыванию грани между ядерными и неядерными державами, которая четко держалась с момента подписания ДНЯО в 1968 г. Кроме того, всегда существует угроза того, что ЯО или технологии в результате расползания по планете могут попасть не в те руки. Особое беспокойство по поводу ядерной программы КНДР проявляют США, что неудивительно, учитывая антиамериканскую риторику Севера. Однако и Россия, и Китай тоже не слишком довольны действиями КНДР. С напряжением к ядерной программе КНДР отнеслись и ее неядерные соседи — Южная Корея и Япония.

Таким образом, северокорейское ядерное досье — одна из немногих проблем международной политики, по которой между основными игроками существует почти консенсус. Казалось бы, договориться о совместных действиях в подобной ситуации должно быть легко. Однако на практике полной координации не получается — в первую очередь потому, что у всех основных игроков, помимо общего нежелания видеть Северную Корею ядерной державой, есть и свои специфические цели и интересы, которые зачастую противоречат друг другу и превращают ядерный вопрос в относительно второстепенный. Северокорейская ядерная проблема становится хорошей иллюстрацией того, почему в международной политике редко удается координировать действия равноправных партнеров.

СЕВЕРКОРЕЙСКАЯ РАКЕТНО-ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА: ИСТОРИЯ И НЫНЕШНЕЕ СОСТОЯНИЕ

КНДР начала работу над собственной ядерной программой еще в начале 1960-х гг. В 1965 г. был запущен первый северокорейский исследовательский реактор, а уже в 1970-е гг. ядерная программа КНДР стала принимать четко выраженную военную направленность.

В конце 1980-х гг. северокорейская сторона организовала ряд утечек о своей ядерной программе, скорее всего, стремясь создать преувеличенные представления о ее продвинутости. В результате продолжительных переговоров в 1994 г. в Женеве было подписано так называемое рамочное соглашение между Соединенными Штатами и КНДР. В соответствии с этим соглашением Пхеньян обещал приостановить работы, которые были направлены на разработку ЯО, и поставить свои ядерные исследовательские центры под международный контроль. В качестве вознаграждения в Северной Корее международный консорциум *KEDO*, в котором решающую роль играли США, Южная Корея и Япония, должен был начать строительство АЭС с двумя легководными реакторами (такие реакторы не нарабатывают оружейный плутоний, который может использоваться для производства ЯО). Кроме того, до завершения строительства реакторов на легкой воде *KEDO* обязался ежегодно поставлять в Северную Корею 500 тыс. тонн жидкого топлива². Неформально частью соглашения было принятое после его подписания решение США, Японии и еще ряда стран предоставить КНДР масштабную продовольственную помощь.

Рамочное соглашение рухнуло в 2002 г., когда США обвинили КНДР в том, что в Северной Корее ведутся работы по обогащению урана. КНДР много лет отрицала эти обвинения, но в 2010 г. не только признала существование урановой программы, но и продемонстрировала американской делегации огромный производственный комплекс, где проводилось обогащение урана до уровня, необходимого для создания ЯО.

После того как в 2002–2005 гг. рамочное сокращение прекратило свое существование, КНДР ускорила работы по ЯО и в октябре 2006 г. произвела первый ядерный взрыв.

По оценкам, на настоящий момент в распоряжении КНДР имеется от 30 до 50 кг оружейного плутония, а этого достаточно для производства примерно 6–10 ядерных зарядов³. В последнее время КНДР принимает меры по запуску реакторна-наработчика плутония и активно информирует о ходе работ весь мир, но пока возобновить производство плутония толком не удается, и его запасы остаются неизменными. Кроме того, в КНДР имеется некоторое количество обогащенного урана. По более пессимистическим оценкам, с которыми, впрочем, согласны далеко не все специалисты, в КНДР может иметься от 4 до 8 зарядов на урановой основе (помимо упомянутых выше 6–10 зарядов на базе плутония)⁴.

Главными проблемами, с которыми сталкивается северокорейская ядерная программа, являются миниатюризация ядерных зарядов и разработка надежных систем доставки.

Скорее всего, испытанные ядерные заряды представляли собой громоздкие и крайне уязвимые устройства, которые принципиально нельзя использовать в боеголовках ракет или иных системах оружия. Работа над созданием компактных и надежных зарядов в Северной Корее продолжается, но неясно, насколько далеко продвинулись в этом деле северокорейские инженеры.

На вооружении КНДР нет ракет большой дальности, способных доставить ядерную боеголовку до целей, находящихся за пределами Восточной Азии. Работы над такими ракетами идут уже давно, и в декабре 2012 г. состоялся первый удачный запуск северокорейского искусственного спутника Земли (предпринятые до этого попытки были неудачными). Тем не менее на настоящий момент ракет большой дальности в КНДР нет. В качестве средств доставки ЯО теоретически могут использоваться ракеты средней дальности, самыми известными и проверенными из которых являются ракеты *Нодон* с максимальной дальностью 1000–1600 км. В настоящее время на вооружении армии КНДР состоит около 200 ракет этого типа. В зоне их досягаемости находится Япония и Южная Корея, но поражать цели за пределами региона эти ракеты не могут⁵.

ЦЕЛИ КНДР

Руководство Северной Кореи упорно подчеркивает, что об отказе от ЯО не может быть и речи. Например, в сентябре 2015 г. официальное северокорейское телеграфное агентство ЦТАК опубликовало интервью с директором Института ядерной энергии КНДР, который заявил, что Северная Корея готова «в любое время ответить на враждебные действия США ядерным оружием»⁶. Показательно, что в апреле 2012 г. в Конституцию КНДР были внесены поправки, которые официально закрепили за страной статус ядерной державы.

С самого начала ядерная программа КНДР преследовала целый ряд целей, которые не были взаимоисключающими, но важность которых менялась в зависимости от изменений международной ситуации.

Первой и, в целом, важнейшей целью ядерной программы является ее роль как средства сдерживания. Руководство КНДР считает, что ему приходится существо-

вать в крайне враждебной среде. Часть проблем создается враждебными отношениями с США, причем эти отношения во многом вызваны идеологическим неприятием северокорейского режима в американском политическом классе и не могут быть урегулированы дипломатическим путем. В КНДР не забыли, что в свое время президент Дж. Буш-старший включил Северную Корею в состав *Оси зла* вместе с Ираком и Ираном, и хорошо помнят, что в итоге случилось с Ираком.

Немалую роль играет и печальный опыт Ливии — единственной страны, которая согласилась свернуть ядерную программу в обмен на обещанные экономические льготы. Пресса КНДР часто и открыто заявляет, что судьба С. Хуссейна и М. Каддафи наглядно показала, что внешняя угроза является вполне реальной, а надежды откупиться от нее, отказавшись от средств ядерного сдерживания, — наивными⁷. Например, в марте 2011 г. представитель МИД КНДР заявил: «Ливийский кризис преподал международному сообществу серьезный урок. Он наглядно продемонстрировал всему миру, как *ядерное разоружение Ливии*, широко разрекламированное США, закончилось агрессией. Вероломное нападение произошло после того, как агрессор сладкими посулами *гарантий безопасности и улучшения отношений* уговорил свою жертву разоружиться, а затем поглотил ее при помощи силы. Что еще раз доказало простую истину: мир можно сохранить только в том случае, если у страны хватит собственных сил обеспечить сдерживание»⁸.

Вторым по важности соображением является роль ядерной программы в северокорейской дипломатии. Фактически, ЯО — главный козырь северокорейских дипломатов. Рамочное соглашение 1994 г. показывает, как в Пхеньяне хотели бы использовать ядерную карту. Тогда КНДР получила немалые экономические льготы и масштабную помощь в обмен на согласие заморозить свою ядерную программу, сохранив при этом все наработки, созданные к моменту подписания соглашения.

Сейчас северокорейская дипломатия надеется на повторение былого успеха. Имеющихся зарядов, скорее всего, вполне достаточно для обеспечения сдерживания, поэтому Пхеньян стремится к компромиссу, в рамках которого он получал бы экономические и политические уступки в качестве вознаграждения за готовность приостановить дальнейшие работы по ЯО и средствам доставки. Фактически, подобное соглашение было заключено с США в начале 2012 г., но тогда по неясным причинам оно практически немедленно было нарушено северокорейской стороной. Однако вероятность подобного компромисса в долгосрочной перспективе довольно велика — по крайней мере, на это явно надеются в Пхеньяне. При этом важно, что ни о каком ядерном разоружении речи не идет: сдавать имеющиеся ядерные заряды КНДР не собирается, резонно полагая, что их наличие существенно повышает шансы режима на долгосрочное выживание.

В-третьих, наличие ЯО полезно для целей внутренней пропаганды. Оно помогает как легитимировать режим, так и объяснять те серьезные экономические проблемы, с которыми сталкиваются жители КНДР в своей повседневной жизни.

ПРОБЛЕМЫ США

Из всех основных участников конфликта США занимают, пожалуй, наиболее четкую — хотя и не самую реалистичную — позицию. Главной своей задачей США

считают ликвидацию северокорейского ЯО, и уже много лет их официальной линией является требование *полного, проверяемого и необратимого ядерного разоружения Северной Кореи* (complete, verifiable, and irreversible denuclearization of North Korea). Эта мантра повторяется Вашингтоном с такой же монотонной регулярностью, с которой Пхеньян говорит о неприемлемости ядерного разоружения⁹.

В отдельные периоды в американской дипломатии верх брала точка зрения, в соответствии с которой имеет смысл добиваться компромисса, отчасти похожего на недавнюю сделку с Ираном. В частности, на этой стратегии строилась американская политика в 2006–2008 гг., то есть при второй администрации Дж. Буша. Однако предпринятые тогда попытки добиться компромисса окончились неудачей — и крахом карьеры тех дипломатов, которые такой вариант активно лоббировали. Символом здесь стал К. Хилл, который курировал в Госдепартаменте работу по северокорейской ядерной программе, выступал активным сторонником компромисса — и вскоре после полного провала своих планов был вынужден покинуть Госдепартамент и уйти на более чем скромную преподавательскую позицию во второстепенный университет. В последние годы в Вашингтоне окончательно осознали, что шансов на ядерное разоружение КНДР нет, и в целом потеряли интерес к вопросу, который передвинулся в категорию проблем досадных, но неразрешимых. Спокойствию способствует и то обстоятельство, что, несмотря на всю воинственную риторику Пхеньяна, в своем нынешнем виде северокорейская ядерная программа представляет лишь косвенную угрозу для США.

Хотя в американском экспертном сообществе существуют и те, кто верит в компромисс иранского образца, и те, кто полагает, что жесткая политика приведет либо к капитуляции режима в Пхеньяне, либо к его падению, в целом подход США к проблеме, именуемый *политикой стратегического терпения*, сводится к ее игнорированию.

В США не хотят идти на тот компромисс, на который рассчитывают в Пхеньяне, то есть не готовы договариваться о замораживании ядерной программы в обмен на помощь и политические уступки. С точки зрения руководства США такой компромисс недопустим, ибо создает опасный прецедент. КНДР является единственной в мире страной, вышедшей из ДНЯО и разработавшей свое ЯО. Если Вашингтон пойдет на уступки Северной Корее, которая при этом сохранит ЯО, то такое поведение будет воспринято как вознаграждение за нарушения одного из базовых принципов современной международной политики и в силу этого станет опасным прецедентом.

Теоретически, ситуация может измениться в том случае, если северокорейскую ядерную угрозу в Вашингтоне начнут воспринимать как реальную, а не потенциальную. Однако до этого пока далеко: для достижения этой цели КНДР нужно, как минимум, провести несколько успешных испытаний межконтинентальных ракет и, желательно, несколько испытаний ядерных устройств на базе урана (в силу технических особенностей их куда сложнее контролировать, чем плутониевые).

Пока же ситуация остается тупиковой. США повторяют заведомо не приемлемые требования, а в ответ КНДР всячески декларирует свою преданность ядерной программе.

ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ

Хотя Китай тоже недоволен северокорейскими ядерными устремлениями, на его политику на Корейском полуострове оказывают влияние дополнительные факторы, многие из которых с точки зрения Пекина куда важнее, чем угроза нераспространения ЯО¹⁰.

Во-первых и главных, Китаю нужен стабильный Корейский полуостров. В интересы Китая однозначно не входит внутривосточный кризис в Северной Корее, который может привести к нестабильности, потокам беженцев, контрабандному вывозу расщепляющихся материалов и ядерных технологий и расползанию ядерного оружия.

Во-вторых, интересам Китая отвечает сохранение разделенной (но стабильной и, по возможности, неядерной) Кореи. Объединение Кореи сейчас мыслимо только под эгидой Сеула и, скорее всего, в результате острого внутреннего кризиса в КНДР — иначе говоря, по германскому сценарию. Возникшая в результате такого поворота событий единая Корея с большой долей вероятности сохранит союзнические отношения с США. Кроме того, она будет представлять собой довольно сильное государство с выраженными националистическими настроениями и, возможно, территориальными претензиями к Китаю — в первую очередь, в отношении территорий, населенных этническими корейцами и по сему теоретически склонных к ирредентизму. Поэтому сохранение статус-кво для Китая представляется желательным вариантом.

В-третьих, Китай не видит в северокорейской ядерной программе непосредственной угрозы для себя. В Пекине считают, что если северокорейское ЯО и будет когда-либо использовано, то применят его против Японии, США или Южной Кореи, но никак не против КНР. Это не означает, что КНР не беспокоится по поводу распространения, но все-таки северокорейское ЯО воспринимается, в первую очередь, как проблема США и их союзников.

Этими соображениями и объясняется явная двойственность китайской позиции. Китай, с одной стороны, добросовестно участвует в санкциях технического характера и пресекает попытки северокорейцев получить доступ к материалам и комплектующим для ракетно-ядерной программы. С другой стороны, Китай продолжает активно торговать с Северной Кореей: в 2014 г., когда оборот составил 6,9 млрд долл. США, на Китай приходилось 70% всей торговли КНДР¹¹.

В последнее время, после прихода к власти Си Цзиньпина, ситуация до некоторой степени изменилась. Люди, близкие к новому руководству, в частных беседах стали регулярно подчеркивать, что новый китайский руководитель «в делах Корейского полуострова придает ядерному разоружению не меньшее значение, чем проблемам стабильности». Это, конечно, некоторое преувеличение, хотя сдвиг Пекина в сторону более жесткого подхода к КНДР, равно как и общее ухудшение китайско-корейских отношений в последние годы, очевидны¹².

ПРОБЛЕМЫ ЮЖНОЙ КОРЕИ

В Южной Корее, как ни парадоксально, северокорейская ядерная проблема воспринимается относительно спокойно. Притом что Южная Корея негативно отно-

сится к ядерным амбициям Северной Кореи, появление у КНДР ЯО относительно мало изменило тот стратегический баланс, который существовал на Корейском полуострове не одно десятилетие. С одной стороны, несколько северокорейских ядерных зарядов, даже если их удастся каким-то образом доставить до цели, не смогут нанести Южной Корее потери, которые определили бы исход военного конфликта: судя по всему, Южная Корея такой конфликт выигрывает.

Однако в случае конфликта цена победы для Юга будет слишком высока: на первых этапах войны будет уничтожена значительная часть Сеула, а то и весь город. При этом никакого ЯО для достижения такого результата не понадобится, с этой задачей великолепно справится старая добрая ствольная артиллерия, в зоне обстрела которой находится Сеул. Жители Большого Сеула, население которого составляет примерно половину населения Юга, уже полвека живут под дулами северокорейских пушек. Появление на Севере десятка ядерных зарядов небольшой мощности эту картину меняет, но не радикальным образом.

Кроме того, многие южнокорейцы считают, что северокорейское ЯО не будет применено против жителей Юга, которые являются единоплеменниками северян. Эта уверенность представляется наивной, но она, бесспорно, весьма распространена среди корейцев — особенно среди тех, к то придерживается популярных в среде интеллигенции левонационалистических взглядов.

Все это накладывается на то обстоятельство, что в целом жители Юга мало интересуются делами Севера. Например, в 2011 г., в преддверии президентских выборов, социологи попросили опрошенных южнокорейцев сказать, какие проблемы должны в первую очередь решаться будущей президентской администрацией. Проблемы отношений с Севером оказались на последнем месте. Их самыми важными сочло лишь 8,8% опрошенных¹³.

Конечно, в Сеуле тоже регулярно делаются заявления о необходимости денуклеаризации Корейского полуострова — в том числе и из соображений солидарности с американским союзником. Однако на практике вопросы ядерного разоружения Северной Кореи занимают скромное положение в иерархии целей южнокорейской дипломатии. Куда важнее для Сеула обеспечивать спокойствие на границе и снизить до минимума вероятность военных столкновений. И в политических кругах, и в экспертном сообществе, и среди широкой публики существуют разные мнения по поводу того, каким образом следует обеспечивать внешнее спокойствие: есть в Сеуле и те, кто считает, что залогом спокойствия является готовность к жесткому, в том числе и силовому, ответу в случае очередных пограничных столкновений, и те, кто возлагает надежды на политику уступок. Однако и для ястребов, и для голубей ядерная проблема не является главной.

КОРЕЙСКИЙ ТУПИК

Таким образом, ситуация вокруг северокорейской ядерной программы является тупиковой. Притом что все заинтересованные стороны, включая и Японию с Россией, которые не упомянуты в тексте в силу своей малой вовлеченности в проблему, считают, что в идеале военная ядерная программа КНДР должна быть ликвидирована, на практике это единодушие не ведет к сколь-либо активным действиям. Свою роль играет и то, что сама программа остается *сырой* и незавер-

шенной и в своей нынешней форме воспринимается скорее как потенциальная, а не реальная угроза. Однако важнее то обстоятельство, что у всех основных игроков на Корейском полуострове есть свои, дополнительные интересы, обеспечение которых представляется им более важным, чем достижение ядерного разоружения КНДР. С другой стороны, в Пхеньяне существует убежденность — в целом, вполне обоснованная — в том, что сохранение ядерной программы является гарантией политического и, возможно, даже физического выживания нынешней элиты, так что компромиссы по этому вопросу недопустимы. Таким образом, ядерная проблема едва ли будет разрешена, по крайней мере пока в Пхеньяне у власти находится нынешний режим или его прямые преемники. Максимум возможного — это соглашение о замораживании ядерной программы, но и оно может стать реальным только в том случае, если сама программа продвинется куда дальше, чем сейчас, и станет восприниматься не как потенциальная, а как реальная угроза. 🐘

Примечания

- 1 Сведения о санкциях на май 2015 г. North Korea sanctions. Report to the Chairman, Committee on Foreign Relations, U.S. Senate, May 2015. Washington, United States Government Accountability Office, 2015.
- 2 Wonhyuk Lim. The Anatomy of a Failure: The Geneva Agreed Framework of 1994. Seoul: Korea Development Institute, 2004.
- 3 Mary Beth Nikitin. North Korea's Nuclear Weapons: Technical Issues. Washington, Congressional Research Service, 2013, pp.4–6.
- 4 Joel S. Wit, Sun Young Ahn. North Korea's Nuclear Futures: Technology and Strategy. Washington: US-Korea Institute at SAIS, 2015, p.7.
- 5 Matthew McGrath and Daniel Wertz. North Korea's Ballistic Missile Program. Washington, NCNK, 2015, pp.7–8.
- 6 Комментарий ЦТАК, 15 сентября 2015 г. Director of Atomic Energy Institute of DPRK on Its Nuclear Activities, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 7 См., например, комментарий ЦТАК, 2 октября 2015 г. KCNA commentary on the nuclear deterrent, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 8 Комментарий ЦТАК, 22 марта 2011 г. Foreign Ministry Spokesman Denounces US Military Attack on Libya, сайт ЦТАК www.kcna.kp.
- 9 Очередное повторение этого тезиса, не первое и не последнее, можно, например, найти в заявлении по корейскому вопросу Гленна Дэвиса, спецпредставителя по вопросам северокорейской политики <http://www.state.gov/p/eap/rls/rm/2014/07/229936.htm>.
- 10 Существует немало обзоров китайской политики на северокорейском направлении. В частности, Cheng Xiaohu. "From Jiang Zemin to Hu Jintao: The Evolution of China's Policies toward the Korean Peninsula". // Korea Observer 43.4 (January 2012): 675–699. Bates Gill. China's North Korea Policy: Assessing Interests and Influences. Special report 283. Washington: US Institute of Peace, 2011.
- 11 North Korea's Trade Volume in 2014: NK Brief. Seoul: IFES, 2015. Проведен необходимый перерасчет с включением объемов межкорейской торговли, которая обычно в южнокорейской статистике учитывается отдельно.
- 12 Snyder Scott and Byun See-won. «China-Korea Relations: China's Red Line on the Korean Peninsula.» // *Comparative Connections* 16, no. 1 (May 2014): 103–114.
- 13 South Korean Public Opinion on North Korea & the Nations of the Six-Party Talks. October 2011. Seoul, Asan Institute, 2011. P. 3.